

ли зрѣнія исключительно показательно одно сдѣланное авторомъ наблюдение: а именно, что нигдѣ, среди марксистовъ, «диалектическому материализму» не придавалось и не придается такого значенія, какъ сейчасъ въ Россіи

П. Бицилли.

Н. Бердяевъ. О рабствѣ и свободѣ чловѣка. (Опытъ персоналистической философіи). УМСА-Press. Парижъ.

Философскія книги бываютъ двухъ родовъ: читая одніѣ, мы путешествуемъ по философской системѣ, какъ по дотолѣ неизвѣстной намъ странѣ; читая другія, мы вступаемъ въ личное общеніе съ самимъ философомъ. Книги Н. А. Бердяева всегда относятся ко второму роду, и по всему душевному своему укладу онъ ближе къ такимъ мыслителямъ, какъ Паскаль или Ницше, нежели къ такимъ, какъ Аристотель или Кантъ. Однако никогда еще никакая его книга не заслуживала я въ такой мѣрѣ называться философской исповѣдью, какъ та, которую онъ даетъ намъ теперь и о которой можно сказать, что она во многихъ отношеніяхъ вѣнчаетъ его жизненный и философскій опытъ.

Значенателью, что во введеніи, предисловіи и въ авторъ самъ говоритъ о противорѣчіяхъ своей мысли, раскрывая тѣмъ самымъ и основные импульсы своего философствованія, а также упоминая о томъ какъ складывалось оно подъ влияніемъ другихъ мыслителей, воспринято въ разное время и съ разной силой. Противорѣчнвость этихъ импульсовъ и влияній такъ же не вредитъ у Бердяева единству его мысли, какъ не вредитъ единству его книги необыкновенное разнообразіе затронутыхъ въ ней проблемъ. Касается она вопросовъ религіозной философіи, этики, политической и социальной философіи, философіи исторіи, философіи искусства, вовсе не впадая при этомъ въ излишнюю востроту, не отступая нигдѣ отъ основной нити размышленія. Нигдѣ эта бьетъ двумя излюбленными темами бердяевскаго мышленія, темой личности и темой свободы, проникающими въ его писанія, но никогда еще не звучавшими съ такой полнотой и силой, какъ теперь. Болѣе увлекательнаго введенія въ это мышленіе, чѣмъ то, которое написалъ самъ Н. А. Бердяевъ, никому не написать. Думаю, что изъ всѣхъ его работъ это самая непосредственная, самая страстная, а по нетерпимости и нетерпѣнью, по особому задору, отличающимъ ее, и самая молодая.

Такую книгу не хочется и вѣроятно не нужно «критиковать». Читая ее, чувствуешь несогласіе во многомъ, не дергаясь ощущать однако ея силу, ея цѣльность и понимая, что она продумана до конца, такъ что любое утвержденіе по частному вопросу, которое находишь въ ней и съ которымъ не хочешь соглашаться, связано съ основной интуиціей міра, на которой вся она покоится. О своей же интуиціи этой врядъ ли можно сказать, что она невѣрна; можно ска-

зает только, что она односторонняя, как односторонни всё человеческія прозрѣнія; можно противопоставить ей другую, столь же одностороннюю, но это не умаляет ея цѣнности и нужности. Мысль Н. А. Бердяева закона, что она гребется мысли себя въ отвѣтъ, — именно требуетъ, потому что обращается къ тому нераздѣльному въ часть, что одновременно и сознание и сочувствіе.

В. Вейдле.

Bernard Pares. The Fall of the Russian Monarchy, Jonathan Cape, London. 1939.

Книга Б. Пэреса, представляющая собой результатъ долготѣлныхъ работъ, наблюдений, собиранія матеріала и свидѣтельскихъ показаній, охватываетъ царствованіе Николая II, съ краткими историческими экскурсами въ прошлое, и заканчивается революціоннымъ переворотомъ и убійствомъ царской семьи. Основная идея книги заключается въ томъ, что русская революція была произведена не низами, а вызвана правящими верхами, т. е., прежде всего, фатальной комбинаціей силъ, сконцентрированныхъ у трона. Изъ-за этой схемы, въ значительной мѣрѣ сводящей исторію паденія монархіи къ разложению и крушенію династіи, русское общество и народъ остаются въ тѣни, но самый процессъ, захватывающій верхушку государства, представленъ настолько ярко и убѣдительно, что даетъ вѣрное и существенное представленіе обь эпохѣ. По отношенію къ иностранному читателю, для котораго книга эта и написана такой пріемъ является, можетъ быть, и самымъ правильнымъ: впервые, со времени переворота, это періодъ русскаго прошлаго представленъ ясно и полно. Огромный успѣхъ этой книги въ Англіи является несомнѣннымъ доказательствомъ, что трудъ Б. Пэреса появился въ нужный моментъ и отвѣчаетъ запросамъ широкихъ культурныхъ круговъ.

Главнымъ достоинствомъ книги являются необычайно яркія и жизненные личныя характеристики, въ которыхъ чувствуется, что Б. Пэресъ не только ученый и знатокъ Россіи, но видѣлъ живыхъ людей и реальную жизнь тамъ, гдѣ другими были бы представлены только политическіе и историческіе процессы». Николай II, охарактеризованный какъ «жизнос отрицаніе идеи самодержавія», данъ и въ его изящномъ обликѣ, гдѣ нерѣзительность скрыта подь видомъ мягкости, и въ образѣ полной растерянности, растущей съ нагроможденіемъ трагическихъ событій, и въ его наиболѣе естественномъ состояніи слабого человѣка, когда, послѣ совершившейся катастрофы, онъ и не пытается противиться стухійному ходу событій Александра Федоровна, съ ея превращеніемъ изъ женщины, виновной лишь въ неумѣстной замкнутости и недостаткѣ обязательной любезности, въ фатальную, доминирующую фигуру исторической царицы, очерчена особенно ярко. Съ необычайнымъ реализмомъ представленъ Распутинъ — темная, мужицкая сила —, упивающійся своей властью надъ царями и надъ самимъ царскимъ домомъ. Но и безчислество другихъ фи-